

Когда Цзя Ян проснулся на следующее утро, он все еще задыхался от воспоминаний того, что произошло ночью и не мог избавиться от лёгкого возбуждения. Он так много работал, чтобы позаботиться об этом человеке, что чуть сам не заболел, а Сяо Мэн хотел опять его использовать.

Сначала, он хотел уйти, не прощаясь, и больше не иметь ничего общего с человеком, который не ценил хорошего отношения. Но после долгих раздумий он все же смягчился и пошел приготовить немного каши, прежде чем постучать в дверь Сяо Мэна.

Дверь была не заперта, и мужчина лежал на кровати, свернувшись калачиком. Было не понятно спит он или бодрствует. Ян осторожно приблизился и посмотрел на лицо, выглядывающее из-под одеяла. Губы мужчины были плотно сжаты, веки опущены, он выглядел слабым и немного жалким.

"Я приготовил завтрак", - Цзя Ян все еще злился, но без особого энтузиазма. "Ты можешь поесть. Если до сих пор чувствуешь себя плохо, отправляйся в больницу. Я больше не приду."

Сяо Мэн лежал тихо, не говоря ни слова. Видя, что он все такой же, Цзя Ян был еще больше разочарован. Он пошел на кухню, принес кашу и протянул ему: "Давай поешь. Это последний раз, когда я забочусь о тебе."

Сяо Мэн сел и взял миску.

Цзя Ян проигнорировал его одышку, повернулся и ушел. Прежде чем он вышел из спальни, он услышал позади себя звук разбитой миски. Он подумал про себя, что, он зол, и никогда больше не будет беспокоиться об этом человеке. В конце концов, он все же не сдержался и оглянулся.

На лице Сяо Мэна не было никакого выражения, но его руки были красными и опухшими.

Цзя Ян опешил, сделал два шага назад и схватил его за руку: "Почему ты такой неуклюжий!"

"Я не смог ее удержать", - ответил человек, который до этого сунул руку в горячую кашу, помолчал и сказал: "Неужели ты не оставишь меня в покое?"

Цзя Яну было на него наплевать, поэтому он сделал тихий вдох, чтобы уговорить себя. Было не так легко убедить Сяо Мэна встать и надолго опустить руку под холодную воду, но на тыльной стороне ладони все еще оставался небольшие волдыри.

Используем иглу, смоченную в йоде, чтоб проколоть волдыри один за другим, осторожно протираем и нанесим лекарство. Это уже не выглядит так серьезно. Цзя Ян успокоился, вздохнул с облегчением и сказал ему: "Все в порядке, скоро и следов не останется."

Сяо Мэн ни разу не пискнул.

Какое-то время из-за мази на руках, ему было бы неудобно двигаться, поэтому Цзя Ян попросил его посидеть в гостиной, подошел к холодильнику, достал тосты и молоко и принес ему. Он намеревался подождать, пока он наполнит желудок, прежде чем уйти.

“Давай съешь это. Ты не повредил свои ладони, ты в состоянии держать стакан. Через несколько дней все будет хорошо. Будь осторожен в будущем.”

Сяо Мэн опустил голову, было не понятно, о чем он думает. Тыльная сторона его ладони была красной и опухшей. Он опустил голову и молча откусил хлеб. Его брови были скорбно изогнуты. Его профиль выглядел необычайно красивым и невинным, и он казался таким одиноким и жалким.

Цзя Ян пришел в себя и поспешно отвел глаза, втайне решив больше не поддаваться его обману.

Хотя он поклялся, что никогда больше не позволит ему себя одурачить, независимо от их отношений в будущем, кровать в спальне, заляпанную кашей, все равно нужно было убрать.

Оставив Сяо Мэна одного завтракать, Цзя Ян пошел снять стеганое одеяло, постирал его и потащил на балкон сушиться, на уборку ковра ушло много сил.

Сначала он думал, что после уборки все будет хорошо, но не знал, что Сяо Мэн снова повредил руку, пока он был занят.

На этот раз разбился стакан с молоком, ладонь была в бесчисленных порезах, и не известно, сколько стеклянных осколков застряло в них.

Цзя Ян был совершенно не готов, и когда он вошел в комнату, то чуть не упал в обморок, увидев его руки, все в крови. Он в спешке отвез Сяо Мэна в больницу и забыл спросить, как такое могло случиться.

Видя, что он сильно истекает кровью, думая о возможно изуродованных руках, Цзя Ян был взволнован без причины, и сильно потел.

После долгой работы доктор, наконец, очистил ладони от последних мелких осколков. В сочетании с ожогами две кисти Сяо Мэна были забинтованы, толстым слоем, а его десять пальцев были похожи на десять редисок, неспособных пошевелиться.

Когда они вернулись домой из больницы, Сяо Мэн, который был бесстрастен и не сказал ни слова, вдруг, сразу же жалобно застонал. Цзя Ян знал, что ему действительно больно, поэтому ему стал уговаривать его, как ребенка.

Хотя это была несерьезная травма, он не мог пошевелить пальцами и был совершенно

беспомощен. У входа Цзя Ян попросил его снять обувь самостоятельно, но, как тот не старался у него ничего не вышло, на глазах выступили слёзы.

Такой "слабый" Сяо Мэн действовал Цзя Яну на нервы. Он понимал, что не мог оставить его здесь на произвол судьбы, поэтому ему пришлось добровольно остаться в качестве няньки.

Травма Сяо касалась только его рук, но он, казалось, автоматически причислил себя к инвалидам, который совсем не может о себе позаботиться. За исключением того, что он открывал рот, чтобы поесть, и ложился спать, обо всем остальном заботился Цзя Ян.

Жизнь Яна стала тяжелее, чем раньше. Начиная с того, что он должен был кормить взрослого человека, из-за того, что тот не мог даже взять ложку. Сяо Мэн не думал, что было что-то плохое в том, что 30-летний мужчина его кормит. Он ел очень комфортно. Время от времени он придирался к вкусу еды и составлял меню для следующего приема пищи.

Цзя Яну позволялось делать все.

Готовка и уборка, чистка и стирка, а также беготня вокруг придирчивого пациента после окончания работы - все это очень просто.

Что смущало Цзя Яна, так это то, что раненные руки Сяо Мэна мешали раздеваться ему самому. Естественно, ходить в туалет было неудобно, и еще более невозможно было принять ванну в одиночку.

"Я иду в туалет."

Как только Сяо Мэн сказал это, Цзя Яну пришлось стиснуть зубы, пойти с ним и развязать ему штаны.

Зная, что решать личные проблемы неудобно, следовало бы пить меньше воды, но этот парень не был сознательным. Цзя Ян развязывал его штаны несколько раз в день и неизбежно сталкивался с этим... Он мог только утешить себя и сказать, что, к счастью, они оба мужчины. В этом нет ничего постыдного. Они помогал бывшему другу в беде, но его лицо все равно краснело.

Время купания - самое напряженное. Рана не должна быть намочена водой, поэтому Ян полностью его обслуживал. Сяо Мэну было трудно сотрудничать честно и послушно, ожидая, пока Цзяянь поможет ему. После того, как он разделся, он щедро наслаждался услугами растиранию спины. После этого, Ян мыл ему грудь, затем ноги, икры.....

Самое неприятное место оставалось на конец.

От одного только вида, у него немела кожа головы, и Цзя Ян с беспокойством вздохнул.

У Сяо Мэна вообще не было желания делать это самому, и он ждал, пока он поможет ему с очень терпеливым выражением лица. Ян мог только сдерживать свое сердцебиение, терпеть мурашки на спине, тщательно вытирая его бедра, а затем медленно подниматься.

Во время мытья, видя, как кто-то очень беззащитно и быстро реагирует, Цзя Ян не смог удержаться и отбросил полотенце, он вскочил и сделал два шага назад.

“В чем дело?” Спокойно спросил мужчина, сидящий в ванне.

Цзя Ян открыл рот, запинаясь, и потребовалось много времени, чтобы сдержаться: “Ты, как ты можешь это делать...”

“А ты насчет этого? Что в этом такого странного, кто не реагирует на прикосновения? Не думай слишком много.”

Цзя Ян не мог ничего сказать, чтобы опровергнуть его. Ладно, он был не осторожен, поэтому он успокоился, подошел и опустил голову, чтобы продолжить помогать ему принимать ванну.

Сяо Мэн родился с взглядом человека, которому должны служить другие. Он послушно позволил Цзя Яну себе служить, считая это не естественным. Даже если определенная часть очень беспокойна, он выглядит таким же элегантным и невинным.

Напротив, дрожащий Цзя Ян, казалось, был слишком взволнован. Но думая о том, что с его забинтованными руками, ему было бы невозможно добиться успеха, Ян медленно ослабил бдительность.

Конечно же, Сяо Мэн вел себя очень честно и послушно лег спать, не выдвигая никаких странных требований, свернулся калачиком под одеялом и смотрел на него грустными глазами.

Цзя Ян поначалу все еще немного нервничал, лежа рядом с ним и затаив дыхание. Но Сяо Мэн, с поврежденными руками, был похож на кошку с отрезанными когтями. Он был слаб, и не мог украсть еду. Поэтому Ян вздохнул с облегчением, расслабился и медленно заснул.

Разбуженный странным звуком посреди ночи, он ощупью сел, включил прикроватную лампу и увидел, что мужчина рядом с ним хмурился во сне, Сяо Мэн явно испытывал боль и что-то бормотал, глубоко вдыхая.

Цзя Ян сонно потер глаза, немного беспомощный. Сяо Мэн - молодой мастер из хорошей семьи, и такой большой человек ведёт себя, как ребенок.

Глядя на неприкаянный вид этого человека, он чувствовал себя немного нелепо и жалко.

Сяо Мэн отличается от него. Такой человек рождается без необходимости страдать, и он не привык к этому. На этот раз его руки, все в ожогах и порезах, и это, должно быть, было очень больно, но он всегда, держал лицо. Когда ему вытаскивали осколки в больнице, он не проронил ни слова, не застонал. Он продолжал притворяться, что это не имеет значения, и когда они вернулись домой

Сячо Мэн был честен только тогда, когда засыпал, его лицо морщилось и он жалобно постанывал.

Грубо говоря, Сяо Мэн был гораздо более милым, когда спал. Он больше не обижал Яна неприятными словами и не смотрел презрительно, и насмешливая улыбка исчезла.

И такой искренний, он больше не лгал ему.

Только в это время он выглядит истинным и нежным.

Было ясно, что Сяо Мэн использовал его, но он все равно остался.

В ожидании, пока травма рук Сяо Мэна пройдет, он пока останется с ним друзьями.

Цзя Ян некоторое время сидел ошеломленный, постепенно чувствуя, что его тело замерзает, он тихо выключил свет и снова лег.

<http://bllate.org/book/13892/1224712>